

В номере:

Поражение после победы.....	2
Тема номера	
Соломон Михоэлс: «Заплатить жизнью за кроху истины»	3
60 лет спустя: памяти Симона Визенталя	12
Герои Сопротивления или предатель родины?	17
Освобождение Франции: революция или реставрация?	22
История Сопротивления	
«Пираты Эдельвейса» —сопротивление молодежи при нацистской диктатуре	37
Антифашистская хроника	
Петербург марширует против расизма	41
Антифашистский анализ	
Впечатления о состоявшихся в Москве шествии и митинге по случаю Дня народного единства	44
Разгон антифашистского пикета: хроника событий	48
Открытое письмо С.Ганзупкиной мэру Москвы г-ну Лужкову	55
Книжное обозрение	
Хасан Баиев. Клятва. Хирург под огнем	58
Переписка	
Фашизм и теория Дарвина.....	63

Этот номер «АМ» посвящается памяти
ТИМУРА КАЧАРАВЫ,
петербургского антифашиста,
убитого в центре города 13 ноября 2005 года.

На террор нацистов необходимо ответить
полной мобилизацией всех антифашистских сил.

ПОРАЖЕНИЕ ПОСЛЕ ПОБЕДЫ

Таким условным названием можно было бы объединить почти все статьи этого номера «АМ». Победа над фашистской Германией стала темой юбилейного 2005 года. Торжественная дата отмечалась не только военными парадами и возложениями цветов: во всем мире 60-летию окончания войны посвящались выставки и конференции, издания и исследования. Как саму войну, так и победу воспринимают в наши дни сложнее, видят в событиях прошлого многое скрывавшееся или просто не замечавшееся раньше, обращают внимание на то, что прежде казалось неважным и неинтересным.

Для антифашистов остаются самым важным уроки Сопротивления: то, что удалось, и то, что не получилось или получилось неправильно. Поэтому в этом номере события 60-летней давности рассматриваются в контексте судеб — нередко трагических — антифашистов и участников Сопротивления. Все они приветствовали победу над нацистской Германией, но многим из них политика победителей принесла и горькое разочарование. Страшным террором ответило правительство Сталина на попытку советских евреев объединиться в Антифашистский комитет — не только убийством главы комитета Михоэlsa и последовавшими за ним арестами всех членов ЕАК, но и начатой в послевоенные годы государственной антисемитской кампанией, квинтэссенцией которой стало знаменитое дело врачей.

С нежеланием послевоенной Европы услышать голос жертв нацизма и осознать всеобщую ответственность за трагедию Холокоста боролся — преодолевая огромное сопротивление различных политических сил и далеко не всегда добиваясь успеха — и другой антифашист еврей — Симон Визенталь.

Мучительное разочарование постигло и тех участников Сопротивления в оккупированных Германией странах Западной Европы, которые надеялись, что победа принесет с собой не только национальное, но и социальное освобождение. Жесткая политика присвоивших «независимость» правящих классов, начавшиеся колониальные войны привели многих из этих ветеранов вновь в оппозицию, а порой и в подполье.

В самой Германии немало участников Сопротивления в течение десятилетий оставались в глазах общества преступниками: с молодых немецких антинацистов из группы «Эдельвейс-пиратен», многие из которых отдали жизнь в борьбе с гитлеризмом, лишь недавно был снят ярлык «уголовников».

Время, отвергающее своих собственных героев и не желающее слушать их протесты и воспринимать их критику, — это не только о прошлом.

• Тема номера

СОЛОМОН МИХОЭЛС:

«ЗАПЛАТИТЬ ЖИЗНЬЮ ЗА КРОХУ ИСТИНЫ...»

Ночью 9 мая 1945 года, в ответ на радостные возгласы своей дочери о том, что кончилась война, Соломон Михоэлс сказал: «Мало выиграть войну. Теперь надо будет выиграть мир, а это значительно сложнее». Его дочь Наталия написала в своих воспоминаниях,¹ что в его правоте она убеждалась на протяжении всей дальнейшей жизни. Сам Михоэлс, как известно, спустя неполных три года был убит по заданию советского руководства.

Блестящий актер и режиссер, вникавший в театральные образы — будь то персонаж Шолом-Алейхема или Шекспира — с почти научной дотошностью, изучавший весь исторический, литературный и философский материал, который имел хоть малейшее отношение к герою, Михоэлс был, кроме того, очень человечным, доброжелательным и, как кто-то выразился на его похоронах, «звонким» человеком. Без сомнения, его убийство было задумано — и стало — чем-то более значимым и трагичным, чем просто лишение жизни конкретного человека. Вокруг Михоэлса-артиста группировалась еврейская интеллигенция, к Михоэлсу — председателю Еврейского антифашистского комитета приходили за помощью простые люди. Но и это не все. Было в личности Михоэлса нечто, что выводит его за рамки исключительно еврейской истории в историю общемировую.

Соломон Михайлович Вовси (Михоэлс — это сценический псевдоним) родился в 1890 году в городе Двинске. С самого детства он обнаруживал сценическое дарование,

¹ Наталия Вовси-Михоэлс. Мой отец Соломон Михоэлс. Воспоминания о жизни и гибели. М., «Возвращение», 1997.

но даже не помышлял о карьере актера — то ли из скромности, то ли из-за того, что эта профессия считалась в его семье недостойной. Так, его кузен Мирон Семенович Вовси стал знаменитым врачом, впоследствии одним из главных фигурантов «дела врачей», а Соломон изучал юриспруденцию, мечтал о работе адвоката — деле, в котором его стремление служить людям сочеталось бы с тягой к публичным выступлениям. Его уход в театр был неожиданным и бесповоротным. В 1918 году в Петербурге Соломон Михайло-

вич — выпускник юридического факультета, готовый приступить к написанию дипломной работы и получению «солидной» профессии, — случайно узнает о наборе в только что открывшуюся еврейскую театральную студию под руководством Алексея Грановского. Здесь начинается история Михоэlsa-актера.

В 1920 году петербургская студия объединяется с московской и возникает Московский государственный еврейский театр (ГОСЕТ), просуществовавший до 1949 года. Поначалу театр располагался в небольшом особняке на улице Станкевича — именно там и расписывал стены и потолок Марк Шагал, тогда еще совсем молодой художник. Позднее театр переехал — вместе с панно Шагала — в известное здание на Малой Бронной улице. Когда в 1928 году театр возвратился домой из оглушительно триумфального заграничного турне, Михоэлс возглавил труппу, так как Грановский остался в Европе. В советской прессе, конечно, разразилась буря негодования по поводу этого «невозвращения», и Грановского, которого еще недавно превозносили как замечательного режиссера, начали поливать грязью, отрицая любые его заслуги перед советским театром. В этой ситуации Михоэлс многократно выступал в его защиту, требуя справедливого отношения к работе мастера. Одно из его возмущенных писем даже было опубликовано в газете «Рабочий и искусство» (времена были сравнительно вегетарианские, но это не умаляет храбрости Михоэlsa).

Ставились спектакли, Михоэлс играл, публика восторгалась. Но времена постепенно становились людоедскими.

В тридцать седьмом году все жили в постоянном ожидании ареста. Если не своего, то близких и друзей. Наталия Вовси-Михоэлс приводит в своих воспоминаниях такую историю. Все уже поняли, что механизм чисток срабатывает по определенной схеме: увольнение с работы, исключение из партии, арест. Поэтому, когда сняли с должности директора театра Иду Лашевич, Михоэлс вернулся домой очень мрачным. Он быстро поужинал и ушел, сказав, что вернется очень поздно. И действительно вернулся около четырех утра.

Так продолжалось неделю. А потом сказал дочери, что Иду взяли, когда он уже ушел от нее. Оказывается, в первый же день после увольнения Лашевич Михоэлс купил папиросы и водку, пришел к ней и сказал: «Я пришел к вам как мужчина к мужчине. Будем коротать ночь за приятной беседой, попивая и покуривая». «Я боялся, — рассказывал он, — что за ней придут, когда она будет совсем одна. Ведь это так страшно — уходить одному. Недаром говорят: на миру и смерть красна. Но мой расчет оказался неверным — я считал, что после четырех уже не приходят, а ее забрали в шесть утра».

Самого Михоэлса так и не арестовали. Наоборот, в 1939–1941 годах его актерский, режиссерский и педагогический талант был официально признан. С помпой праздновался юбилей ГОСЕТа, Михоэлсу был вручен орден Ленина и присвоено звание народного артиста СССР, к чему он отнесся с прохладным спокойствием. Свои новые возможности он использовал для улучшения бытовых условий актеров, не питая иллюзий по поводу своей обласканности властями. «Ведь я ширма. Если будут говорить, что у нас есть антисемитизм, они могут со спокойной совестью ответить: “А Михоэлс?”» — вспоминает слова отца Наталия Вовси-Михоэлс. Еще более его страшил и приводил в отчаяние, конечно, германский нацизм и то, что СССР стал союзником Гитлера.

Когда началась война, Михоэлс безуспешно пытался попасть в ополчение, его не брали. Он дежурил, как и многие тогда, на крыше своего дома, тушил зажигательные бомбы. В апреле 1942 года было объявлено о создании Еврейского антифашистского комитета (ЕАК). В его состав вошли самые заметные фигуры советской культуры и науки, председателем стал Михоэлс.

История ЕАК имеет много белых пятен, так как практически не сохранилось архивов, а его главные участники были казнены Сталиным через несколько лет после убийства Михоэлса. Его создание было инициировано «сверху», его деятельность курировалась в разное время Берией и Суловым. Главная задача комитета, поставленная государ-

ством, была пропагандистская. Необходимо было срочно создать образ СССР — защитника интересов евреев. Тем не менее в обстановке бытового антисемитизма советского государства, отчаяния и страха, охватившего всех перед нацистской идеей истребления евреев, эта организация имела очень большое значение для простых людей. Это была первая еврейская общественная организация после роспуска в 1930 году «евсекций» ВКП(б) (созданных в рамках партии учреждений, задачей которых была советизация еврейского населения). Комитет выпускал газету «Эйникайт» («Единство»), в которой сотрудничали все ведущие еврейские литераторы того времени. ЕАК стал символом национального возрождения советских евреев в то время, когда на карту было поставлено само их существование. Многие евреи обращались в ЕАК за помощью, в том числе и те, кто, чудом уцелел в нацистских лагерях, по возвращении обнаруживали, что в их дома вселились чужие люди. Реальной власти что-то изменить, как-то помочь людям в их насущных проблемах у комитета не было, но Михоэлс и другие «ходили по инстанциям», изыскивали деньги, старались помочь если не всем, то хотя бы некоторым.

Самое громкое дело ЕАК — семимесячное официальное турне по США, Мексике, Канаде и Великобритании, в которое в 1943 году отправились Михоэлс и писатель Итцик Феффер (он, как и некоторые другие члены ЕАК, был агентом органов безопасности — этого было сложно избежать). Целей у этой поездки было две: пропаганда и сбор средств. Обе они были блестяще выполнены. Были собраны огромные суммы в помощь Красной Армии. Вот как описывает эту поездку историк Виктор Балан: «Встречи с учеными, артистами, посещения университетов, достопримечательных мест (в том числе могилы Шолом-Алейхема) действительно привлекли симпатии многих американцев к советской стране, ведущей тяжелейшую войну. Феффер часто выступал в офицерской форме (он был военным корреспондентом). Друзья Советского Союза, в их числе Говард Фаст, не раз на это обращали внимание — еврей-подполковник, представитель

славной Красной Армии. Специально для этой поездки была напечатана книга писателя Бориса Ямпольского о жизни евреев в СССР, которую Михоэлс всюду показывал и которую на родине никто не видел. Эту часть программы посланцы советского еврейства выполнили очень успешно. Вели они переговоры и с деловыми людьми — евреями, в неопределенных выражениях говорили им о намечаемых переменах в положении евреев, о развитии ЕАО на Дальнем Востоке, планах создания еврейской республики в Крыму (он еще не был освобожден от немцев) и даже о мифической административной единице в Белоруссии с центром в Гомеле. <...> Поездку в Америку высшая власть оценила хорошо. Тогда»². Михоэлсу, по свидетельствам современников, было тяжело находиться в течение нескольких месяцев между двух огней: с одной стороны, неусыпный контроль советских «товарищей», а с другой — иногда искренние, иногда провокационные вопросы западных журналистов, деятелей культуры, политиков, наконец, друзей, в ответ на которые нельзя было ни врать, ни говорить всей правды. Такие сделки с собственной совестью были для него непривычны.

Еще одна затея комитета — неудавшаяся — состояла в подготовке издания Черной Книги с документальными свидетельствами преступлений нацистов против евреев и с информацией об участии евреев в войне. В 1944 году писатель Илья Эренбург послал в США (проект издания книги был совместным с американскими еврейскими организациями) подборку писем, дневников, фотографий и записанных устных свидетельств. Книга вышла в США, но так и не увидела свет в СССР (в 1948 году уже готовый типографский набор был рассыпан).

Наиболее бурной деятельность ЕАК была в 1943–1946 годах. Постоянно приезжали иностранные корреспонденты, дипломаты. Состоялась знаменитая поездка за рубеж. Это пик популярности Михоэлса. В это же время власть активно

демонстрирует расположение к евреям. В 1946 году Михоэлс получает Сталинскую премию за спектакль «Фрейлехс», поставленный на основе еврейского фольклора, а писатель-еврей Борис Горбатов — за роман «Непокоренные», в котором есть сцена гибели евреев на оккупированной Украине. Все это, конечно, не мешало бытовому антисемитизму, так же как создание ЕАК не мешало во время войны не давать заслуженных наград отличившимся в боях евреям, занижать цифры или вовсе замалчивать факты их истребления. Но для мировой общественности усиленно создавалась благостная картина дружбы народов.

Однако с 1946 года положение Антифашистского комитета изменилось. Свою главную роль он уже сыграл, война была позади, все большее сопротивление со стороны властей встречали члены комитета при попытках решать какие бы то ни было проблемы. Они даже ставили вопрос о самороспуске, но Сталин не спешил с формальным закрытием ЕАК.

Причин, по которым Сталин сначала так возвысил евреев в лице ЕАК и Михоэлса, а затем столь решительно с ними расправился и почти что усрал всех евреев в бараки подальше от Москвы, могло быть много. Историки спорят, был ли Сталин последовательным антисемитом либо просто в равной мере ненавидел любые национальные движения, в той или иной степени не вписывавшиеся в советскую имперскую идею. Точно известно, что Сталин легко менял линию внутренней национальной политики, пытаясь согласовать ее с насущными требованиями политики внешней. Во время войны необходимость создавать образ друга евреев была очевидной: нужны были кредиты и помощь. Была и еще одна причина — Палестина, мандат на контроль за которой со стороны Великобритании истекал в 1948 году. Сталин, видимо, рассчитывал занять зону влияния (надежды не оправдались, образованное в сорок восьмом году государство Израиль не приняло его «дружескую» руку), поэтому он не только напоказ обласкивал евреев у себя дома, но и поддерживал на мировой арене идею создания еврейского нацио-

нального государства в Палестине. Последнее, что важно, делалось «не для своих ушей», в советской прессе об этом не писали. Глава советской делегации в ООН Громыко много раз выступал на сессии в поддержку евреев, обосновывая их право на создание государства. Советским людям об этом не сообщалось, но члены ЕАК, несомненно, были в курсе позиции Кремля, озвученной за границей. Выступая 27 декабря 1947 года на вечере памяти писателя Менделе Мойхер-Сфорима в Политехническом музее, Михоэлс «проговорился»... Вот как описывает это его дочь: «Со вступительным словом выступил Михоэлс, после чего они с Зускиным сыграли отрывок из “Путешествия Вениамина III”. Свое выступление Михоэлс начал так: “Вениамин, отправившись на поиски Земли обетованной, спрашивает встреченного по пути крестьянина: ‘Куда дорога на Эрец-Исраэль?’ И вот недавно с трибуны Организации Объединенных Наций товарищ Громыко дал нам ответ на этот вопрос!” <...> Раздался буквально шквал рукоплесканий». На следующий день Михоэлс решил поехать на радио, чтобы прослушать запись своего выступления. Пленка оказалась размагниченной, что он счел дурным знаком. Безусловно, он и так понимал, что выступление ему не пройдет даром, но испорченная запись лишней раз это подтвердила. Через неделю он был командирован в Минск, где, по официальной версии, погиб в автокатастрофе.

Об истории убийства Михоэлса много писали. После смерти Сталина непосредственные организаторы преступления — высшие чины МГБ были арестованы и лишены награды, но их участие в деле Михоэлса и сама суть этого дела не разглашались. По свидетельству Светланы Аллилуевой, заказ на убийство и сама версия автокатастрофы исходили лично от Сталина. Хоронили Михоэлса с почестями, как великого советского артиста и общественного деятеля. Однако довольно скоро позиция властей переменилась. Разыграть карту Израиля не получилось. Можно было убрать еврейскую составляющую из образа борца за мир во всем мире, который СССР довольно успешно эксплуатировал на

Западе. Множество умеренных и крайних левых с готовностью верили этому образу (и многотысячные митинги в защиту мира всерьез аплодировали словам гораздо более стоворчивого и лояльного, чем Михоэлс, «главного еврея СССР» Ильи Эренбурга о том, что фашизм в послевоенном мире — это не что иное, как критика Советского Союза и противостояние ему). Уже в конце 1948 года началась борьба с «космополитизмом», массовые аресты и увольнения евреев; были арестованы, а в 1952 году расстреляны почти все члены ЕАК. Только смерть Сталина спасла фигурантов знаменитого «дела врачей» от гибели, а советских евреев — от вполне вероятной депортации.

История советского еврейства — это часть трагической истории России. Судьба Михоэлса — это судьба антифашиста, истового гуманиста, талантливейшего артиста, погубленного собственным государством. Наталия Вовси-Михоэлс приводит в воспоминаниях отрывок из одной речи Михоэлса, посвященной работе над новой ролью. Он интересен с двух точек зрения. Во-первых, Михоэлс, говоря о своей новой роли, фактически говорит о себе самом. А во-вторых, эти слова можно воспринять как манифест истинного антифашизма. Вот этот отрывок: «Меня больше всего волнует тема: человек, поставленный лицом к лицу с миром, поведение этого человека, движимого страстью к познанию. Человек вглядывается в мир в страстном желании познать и объяснить его. Страсть познания самая сильная, ибо даже любовь есть, собственно говоря, разновидность этой страсти познания. И когда ты видишь вопиющее нарушение элементарной справедливости, видишь страшные преступления, совершающиеся в мире, ты должен объяснить, познать, занять позицию в отношении происходящего вокруг. Вот почему трагический образ человека, вечно ищущего, мятежного, ошибающегося и приходящего в конце концов к тому, чтобы заплатить жизнью за кроху истины, — тема, которая больше всего меня волнует».

60 ЛЕТ СПУСТЯ: ПАМЯТИ СИМОНА ВИЗЕНТАЛЯ

А купцы приезжают в Познань,
Покупают меха и мыло.
Подождите, пока не поздно, —
Не забудьте, как это было!

А. Галли

А мертвые спокойно, тихо спят,
Как «десять лет без права переписки»...
А мне ни мертвых не вернуть назад
И ни живого вычеркнуть из списков!

Ю. Домбровский

В 2005 году мир отметил 60-летие окончания Второй мировой войны. Родившиеся после войны люди уже пенсионеры, большинство празднующих «юбилей Победы» войны не помнят. В этом же году похоронили последнего ветерана Первой и Второй мировых войн. Все меньше остается и ветеранов только Второй. Все меньше тех, кто сам прошел круги ада XX века — лагеря уничтожения 1930–1940-х годов.

Умер Симон Визенталь — человек, символизировавший собой готовность не забывать жертв и не прощать палачей. Человек, отдавший всю свою долгую жизнь памяти и борьбе. Смерть Визенталья не осталась незамеченной — сотни, а возможно, и тысячи публикаций, репортажей, передач — и почти все об одном: о славе великого сыщика и детектива, знаменитого еврейского мстителя, умевшего гениально находить и разоблачать попрытавшихся в дальних странах нацистских преступников. И вряд ли хоть кто-то из писавших о Визентале осенью 2005 года не упомянул как своего рода высшее достижение этого пережившего Холокост героя поимку и привлечение к суду Адольфа Эйхмана: именно Визенталь вывел на его след израильскую разведку. Это понятно — разоблачение знаменитого преступника гарантирует громкую известность сыщику. А Визенталь нашел и отдал в руки правосудия многих.

Но жизнь и творчество этого выдающегося человека не исчерпываются поисками убийц и не объясняются мотивами личной и национальной мести. Визенталь искал и находил тех, кто обрекал на гибель и страдания миллионы евреев. Однако, предавая преступников суду, он не столько жаждал мщения (известно, что он выступал против казни Эйхмана, да и в других ситуациях не раз проявлял снисхождение к осужденным нацистам), сколько требовал справедливости, будоражил современников, не давая им отмежеваться от тра-

гедии прошлого, уйти от ответственности, забыть. Теперь, 60 лет спустя, именно этот урок Визенталья остается важным и актуальным. Он сам признал еще несколько лет назад, что ловля нацистов потеряла свою актуальность и смысл. Те, кто совершал чудовищные преступления в первой половине XX века, или уже умерли, или такие глубокие старики, что пытаться покарать их уже просто нелепо. Гораздо важнее не забывать о страшной судьбе жертв, не отказываться от вопроса о том, что делает людей настолько бесчеловечными, бесчувственными и безответственными, что они готовы недрогнувшей рукой убивать, травить и пытать других.

Равнодушие к судьбе палачей означало для Визенталья предательство тех, кто уже не может выступить в свою защиту, тех, кого уже нет. А суды над убийцами становились тем

самым ареной выяснения отношений не просто конкретных пострадавших евреев со своими конкретными мучителями, а всех жертв — живых и мертвых — со всеми, кто приказывал, всеми, кто приказы выполнял, и всеми, кто не остановил их. Всю жизнь Визенталь мучительно размышлял о вине, о возможности или невозможности прощения, о тех людях, которые совершали преступления, даже не осознавая этого.

Когда читаешь его книги, то складывается впечатление, что он добровольно взял на себя не только всю боль и негодование замученных, но и весь позор и ужас позднего прозрения палачей, соучастников, якобы «ничего не знавших» современников. С молодости, прошедшей в польских и немецких концлагерях, до глубокой старости этот знаменитый, но одинокий человек не отказывался нести страшную ношу ответственности за свой страшный век. А ведь насколько легче уйти в мир своего личного благополучия и укрыться в нем от боли прошлого и унижительного равнодушия настоящего. А еще приятнее не просто «забыть», а придать своему отказу от «копания в прошлом» благородный характер всепрощения, примирения, воспарения...

Сейчас, 60 лет спустя, очень распространен этот термин — «примирение»; даже фонд, выдающий некие суммы бывшим страдальцам по условным расценкам «за день» мучений, так назван. Непонятно, с кем и кто должен примириться: те, кто выжил, с теми, кто живет теперь, — но ведь они и не участвовали в событиях тех лет, — или все же те, кто был убит, с теми, кто убивал?

В своей — автобиографической во многом — книге «Подсолнух» Визенталь пытается найти ответ на самый главный для него вопрос, выразив дилемму следующим образом: заключенный вынужден выслушать исповедь умирающего эсэсовца. На пороге смерти бывший послушный сын и религиозный немецкий мальчик умоляет первого попавшегося еврея простить ему расстрел еврейской семьи, пытавшейся выскочить из окон подожженного немцами дома. Заключенный сочувствует раскаянию и отчаянию молодого немца, но считает себя не вправе простить зло, причиненное другим людям.

«Разве справедливо, что он обратился ко мне? У меня же не было права прощать его от имени других», — аргу-

ментирует заключенный. Но встреча с умирающим нацистом оставила глубокий след в душе «непростившего». Вновь и вновь он мысленно возвращался к «той встрече в лазарете... Почему эта встреча для меня не завершена? Последний вопрос казался для меня наиболее важным».

Чудом дожив до освобождения, потеряв в лагерях всех друзей и близких, бывший заключенный не может избавиться от мысли о судьбе не прощенного им убийцы. Он даже отправляется на поиски матери покойного Карла. Встреченная им женщина боготворит память о сыне, а перед мысленным взором выжившего еврея ясно вырисовывается картина детства Карла — мальчика из честной семьи, родители которого не приняли нацизм, но побоялись разделить свои убеждения даже с сыном. «Большинство утверждали, что они были против, но очень боялись соседей. А соседи наверняка очень боялись их. И все эти страхи собирались, сгущались и образовывали гигантский ком страха, поглотивший чуть ли не всю страну... Именно трусость привела к тому, что сыновья трусов сделались убийцами, хотя их родители, безусловно, этого не хотели... Эта преступная система строилась долго и поэтапно. И к виновным принадлежат все те, кто сказал “да” уже на первом этапе... Вероятно, миллионы семей, подобных семье Карла, хотели всего лишь покоя в своем гнездышке. Они-то и послужили опорой для преступников, помогли им прийти к власти, а позднее обеспечили им возможность удержать власть...»

Визенталь понимает, что невозможно простить за тех, кого уже нет, но он признает всю мучительную сложность вопроса, не снимая ответственности ни с кого из живших и живущих. Заключенные евреи в его книге спорят о вине и прощении, предвидя аналогичные дискуссии потомков: «Если нам суждено пережить эту эпоху... и снова возродится разумный мир с людьми, уважающими мнение друг друга, то у нас будет достаточно времени для дискуссий о вине и прощении. Тогда прозвучат голоса “за” и “против”, и найдутся люди, которые никогда не простят тебе, что ты его не простил. Но тот, кто здесь не был и не испытал всего этого на собственной шкуре, все равно нас никогда до конца не поймет».

К началу Второй мировой войны ван Рандвайк работал директором в одной из протестантских школ в Амстердаме. Первым опытом участия в деятельности групп Сопротивления стала для ван Рандвайка подготовка подпольного издания сборника, получившего название «Новые песни гезов». В этот сборник — сразу же ставший символом Сопротивления в Нидерландах — вошли патриотические стихи и песни голландских поэтов, не принявших немецкую оккупацию.

С августа 1941 года ван Рандвайк активно сотрудничает с редакцией подпольного журнала «Свободные Нидерланды» («Vrij Nederland»). Этот журнал играл главную роль в нидерландском движении Сопротивления, связывая между собой почти все значительные группы сопротивленцев. К сожалению, такое положение не только укрепляло подпольные связи, но и открывало возможность для предательства — из-за которого в конечном счете и погибли 74 человека из числа сотрудников журнала.

Сам ван Рандвайк тоже был дважды арестован в 1942 году, но оба раза освобожден из-за отсутствия доказательств его причастности к антинацистской деятельности. После этого ван Рандвайк и его жена окончательно ушли в подполье, что, однако, не нанесло ущерба его деятельности — сразу же после освобождения из заключения ван Рандвайк сумел создать первую службу стабильной курьерской связи между внутренним Сопротивлением в Нидерландах и правительством, находившимся в изгнании в Лондоне.

Как и многие другие участники Сопротивления, ван Рандвайк надеялся на то, что освобождение от нацизма изменит Нидерланды, сделав страну много более свободной и более близкой к идеалам социалистов, чем она была до войны. Надежды эти в большой мере связывались с фигурами самих участников Сопротивления, которые смогли бы после освобождения заменить собой старых политических лидеров и представителей администрации. Ван Рандвайк отстаивал также идеи скорейшей деколонизации Нидерландов, призывая дать независимость Индонезии. Левое крыло Сопротивления разделяло идеи ван Рандвайка, но часть сотрудников «Свободных Нидерландов», относящаяся к более традиционному протестантско-христианскому направлению, отказалась поддержать концепцию ради-

кального общественного переустройства и выделилась в собственный журнал «Верность» («Trouw»). Это, однако, не нанесло серьезного урона репутации ван Рандвайка, который и в 1945 году воспринимался как самый значительный представитель движения Сопротивления: с его советами считались даже при формировании первого послевоенного правительства.

После войны ван Рандвайк продолжал издавать «Свободные Нидерланды», ставшие теперь независимой газетой и пользовавшиеся большой популярностью. Идеино ван Рандвайк был ближе всего связан с новым социалистическо-демократическим объединением — Партией работы. Инициатива создания этой партии принадлежала ряду выдающихся политиков социалистического и либерального направления, содержавшихся вместе в 1942–1944 годах в нацистском концлагере Синт-Михельгестель в качестве заложников. Так же как и ван Рандвайк, Партия работы стремилась к политическим переменам для создания более справедливого общества. Для ван Рандвайка это означало и обязательную деколонизацию.

Сам он так писал об этом в «Свободных Нидерландах» в октябре 1945-го: «В этот решающий час нашему народу всего нужнее очищение сердец от трехвекового патернализма, от лицемерия и самообмана, от закамуфлированной „в соответствии с требованиями времени“ жажды власти. Нам необходимо открыть глаза и увидеть ту поистине трагическую ситуацию, в которую наши заведомо ложные представления завели всех людей доброй воли, как в нашей стране, так и на Экваторе (т. е. в Индонезии. — *Авт.*)». В 1947 году ван Рандвайк в первый раз посетил Индонезию, пытаясь выступить в роли посредника между правительством Нидерландов и индонезийским национально-освободительным движением. Однако этот визит не увенчался успехом, хотя и принес ван Рандвайку признание и симпатию индонезийской стороны.

Начавшаяся в июле 1947 года колониальная война Нидерландов с Индонезией послужила причиной разрыва между правящей Партией работы и левой оппозицией, к которой относился ван Рандвайк. Это означало в буквальном смысле конец послевоенного антифашистского политического консенсуса.

Бывшие эсэсовцы, отбывавшие после войны наказание в голландских тюрьмах, освобождались при условии готовности добровольно вступить в действующую армию и принять участие в войне в Индонезии, а вместо них в тюрьмах оказались тысячи отказников от военной службы по политическим и религиозным убеждениям, среди которых были многие участники Сопrotивления и даже члены правящей Партии работы.

Ван Рандвайк тотчас отреагировал в «Свободных Нидерландах»: «Я говорю — потому что я гражданин Нидерландов. Как гражданин Нидерландов, я говорю — нет! Нет насилию, творящемуся в Индонезии! В моих ушах звучат обвинения, которые я сам и другие товарищи бросали в лицо немецкому народу, когда из любви к отечеству и ложно понятым национальным интересам этот народ молчал, в то время как Гитлер его именем вершил чудовищные преступления. Я не сравниваю решения нашего правительства с преступлениями гитлеризма. Я только напоминаю: обвинив немцев, мы признали, что есть более высокие ценности, чем национальные интересы, и более веские причины говорить или молчать, чем верность отечеству... Развязывая войну в Индонезии, Нидерланды выбрали путь безнравственный и политически недальновидный».

С 1947 по 1950 год ван Рандвайк постоянно выступает на страницах «Свободных Нидерландов» против войны в Индонезии и за суверенитет бывших колоний. В 1947 году «Свободные Нидерланды» расследовали военное преступление — резню, учиненную на острове Целебес (Сулавези) капитаном Вестерлингом и его «отрядом особого назначения». Масштаб этого преступления стал известен лишь несколько лет назад: исследователи говорят о более чем 40 000 жертвах — людях, убитых Вестерлингом и его подчиненными без суда и следствия.

Ван Рандвайк обосновывал необходимость своих многочисленных публикаций тем, что он называл «дать слово страдающим». В общественном мнении ван Рандвайк прослыл «предателем родины» и в 1950 году был вынужден оставить пост главного редактора «Свободных Нидерландов» из-за резко упавшего количества подписчиков.

После ухода из «Свободных Нидерландов» ван Рандвайк посвятил всего себя новой цели — созданию издательства «Мост» («De Brug-Djambatan»), выпускающего учебники и обучающие пособия для школ и университетов в молодых государствах Юго-Восточной Азии. Этим проектом он хотел внести посильный вклад в развитие постколониальных стран. Имевший довольно успешное начало проект постепенно захирел из-за плохих отношений Нидерландов и Индонезии.

В 1959–1962 годах в результате больших перемен в жизни Нидерландов ван Рандвайк оказался вновь востребован и вернулся к активной общественной жизни. Его смелые и оригинальные идеи прекрасно подходили господствовавшему в обществе лево-прогрессивному духу. «Свободные Нидерланды» вновь пригласили его работать штатным сотрудником, его часто звали и на телевидение, чтобы принять участие в программах и ответить на вопросы зрителей, касающиеся политики и общественной морали.

С 1960 по 1965 годы он публиковал свои воспоминания об участии в движении Сопrotивления в самой большой либеральной газете Нидерландов «Algemeen Handelsblad» под старым псевдонимом времен войны — Шурт Ван Влит. Внезапная смерть в 1966 году положила конец бурной и плодотворной деятельности ван Рандвайка.

Имя Хенка ван Рандвайка в истории Нидерландов обычно связывают главным образом с движением Сопrotивления; многие называют его героем Сопrotивления, хотя он сам и не выносил этого титула. Однако значение общественной деятельности ван Рандвайка выходит далеко за рамки борьбы с нацизмом. Его настойчивое и последовательное противостояние любым формам порабощения одних людей другими, борьба с несправедливостью, отстаивание свободы и человечности — вот то наследие, которое остается важным для многих поколений думающих людей в Нидерландах.

ОСВОБОЖДЕНИЕ ФРАНЦИИ: РЕВОЛЮЦИЯ ИЛИ РЕСТАВРАЦИЯ?

Французское освободительное восстание лета 1944 года, происходившее параллельно с высадкой английских и американских союзников, не ограничивалось освобождением территории от немецких захватчиков. Оно повлекло за собой крушение Французского государства («Etat français») коллаборациониста маршала Петена, обосновавшегося в городе Виши. Сопротивление, тем самым, было не инструментом захвата власти, находящейся в руках оккупантов, но сопротивлением власти французской. Роль Сопротивления была не только военной (его значимость приравнивалась примерно к 15 дивизиям регулярной армии), но также и политической.

Нужно напомнить слишком часто забываемую историками важную деталь: Французское государство маршала Петена формально было вполне законным наследником довоенного правительства, избранного голосованием Национальной ассамблеи в 1936 году. Таким образом, вооруженное Сопротивление, с формальной же точки зрения, было совершенно нелегальным.

Но начиная с конца 1943 года большинство населения страны, до того настроенное петенистски, стало поддерживать Сопротивление: к этому времени стало очевидно, что победа союзников — это лишь вопрос времени. Коллаборационизм, объясняемый ранее как политическая необходимость, позволяющая Франции обеспечить себе достойное место в будущем Европе, не имел более этого оправдания. Социальные, экономические и политические опасения населения росли. Многочисленные аресты, репрессии, расстрелы, осуществляемые как нацистами, так и Французской милицией печально известного Дарнана, в совокупности с зачистками провинции колоннами СС, серьезно повлияли на общественное мнение.

Власть Виши, замешенная на патернализме и реакционности, превратилась с течением времени в своеобразный

фашистский привесок к немецким структурам и все больше держалась на терроре. Однако основной демаркационной линией стало принятие закона о «Бюро обязательного труда», отправлявшего на принудительные работы в Германию целый возрастной пласт населения: это привело к массово-

му возмущению людей и явилось предвестником создания и, впоследствии, роста масштабов «маки» — партизанского движения.

Активное неприятие оккупации росло.

Буржуазия и крупные предприниматели стали в большинстве своем (за редкими достойными исключениями) социальной основой коллаборационизма, как экономического, так и политического. Именно они стали мишенью при освобождении страны; в общественном сознании связались воедино антифашизм и социальная борьба. В результате военное выступление против оккупантов и общая стачка начались одновременно.

Спротивление объединяло несколько сотен человек в 1940 году, несколько десятков тысяч — в начале 1944 года, несколько сотен тысяч — в момент общего восстания.

Лондонская группа непосредственного окружения де Голля происходила из той же среды консерваторов, что и правительство Виши. Некоторые из этих людей до начала войны даже открыто разделяли фашистские идеи. Таким образом, в их неприятии Французского государства Петена гораздо большую роль играли патриотизм и ненависть к оккупантам родины, чем антифашистские взгляды. Политический выбор соратников де Голля, однако, обозначал их разрыв со своей средой, которая в целом выбрала Петена. Тем не менее они и в Лондоне создали нечто вроде вполне авторитарной структуры, с четкой позицией лидера и иерархией военного образца.

Важно понимать, что республиканские принципы были привнесены в их политические установки лишь постепенно, под влиянием ценностей внутреннего французского Сопротивления. Именно в результате взаимного влияния двух совершенно разных социальных слоев Сопротивления — внутреннего и руководимого из Лондона — произошло важнейшее изменение французской правой мысли, последствия которого ощущаются и по сей день.

В самой же Франции важную роль сыграло разделение на Северную зону, оккупированную немецкими войсками,

и Южную зону, находившуюся под исключительным контролем Виши до декабря 1942 года. На оккупированном вражеской армией Севере Сопротивление было изначально скорее военное, чем политическое, за исключением отрядов коммунистов, которые после нападения на СССР в 1941 году заявили именно о политической борьбе. На Юге вплоть до конца 1942 года и окончательной оккупации французской территории непосредственным врагом были не немецкие оккупанты, а вполне французский режим Петена. Сопротивление, соответственно, принимает более идеологический, внутривластный и антифашистский характер.

К тому же службы Виши были менее подготовлены к репрессиям против «диссидентов», чем разведслужбы Вермахта (гестапо и абвер) на севере Франции, поэтому, когда нацисты заняли Южную зону, Сопротивление уже успело прочно встать на ноги и могло действовать эффективнее, чем на Севере.

Можно смело утверждать, что внутреннее Сопротивление в целом, включая все разнородные тенденции, исповедовало достаточно левые по своей сути идеи: осуждение аферистского довоенного режима, ответственного за поражение 1940 года, было так же сильно, как и осуждение вишизма, — логичная реакция на «предательство» правящих классов. Вполне четко формулируемой целью Сопротивления, среди прочего, было расправиться с властью денег и олигархов и разрушить феодальную систему экономики и финансов (трестов, как их называли коммунисты). Программа Национального совета Сопротивления (НСС), принятая весной 1944 года, воспринималась лишь как первый этап изменения структуры общества, которое всем казалось необходимым.

Внутреннее Сопротивление, объединенное под эгидой НСС, выработало программу, которую бывший префект Жан Мулан (представлявший де Голля во внутреннем Сопротивлении и убитый гестапо в 1943 году) обобщил следующим образом: «Необходимо захватить власть, отобрать ее у немцев, у Виши, возможно, и у союзников».

К этому времени всему Сопротивлению стало очевидно, что союзники стремятся к политическому решению: к своего рода продолжению вишизма или даже к установлению их собственной военной администрации. Значительный вес внутреннего Сопротивления, народное восстание лета 1944 года и политическая ловкость де Голля сделали все эти варианты невозможными. Но угроза потери национальной независимости продолжала висеть над Францией.

Летом 1944 года правление перешло в руки групп Сопротивления, объединенных в местные комитеты Освобождения (МКО), которые действовали на свой страх и риск, поскольку средства коммуникации внутри страны были полностью разорваны. Но достаточно быстро выделяются два параллельных руководства: с одной стороны, управление внутреннего Сопротивления, с другой — политический и военный аппарат, привнесенный из Лондона. Первое отчитывалось перед НСС, второе — перед временным правительством, назначенным де Голлем. Первое доказывало свою легитимность подпольной борьбой и контролем над территорией, второе же апеллировало к героической фигуре командира Свободной Франции — генералу де Голлю. Первое стремилось к радикальным структурным изменениям во французском обществе, второе — к восстановлению прежнего, довоенного режима.

Антагонизм усиливался, и первые после Освобождения путешествия де Голля в провинцию проходили весьма бурно...

Признать свержение режима Виши означало признать легитимность восстания и, как следствие, установление новых институтов власти. В своем знаменитом выступлении в день освобождения Парижа де Голль постулировал довольно относительно историческую истину: «Республика никогда не прекращала свое существование... Виши было и остается нелегитимным и никого не представлявшим режимом». Легитимность вишистского режима тем самым отрицалась (хотя маршал Петен был вполне законно избран довоенной Национальной ассамблеей), а законность генерала

де Голля и его временного правительства устанавливалась. Эта фикция оставалась общим местом в исторических трудах в течение последующих 30 лет.

Новоиспеченные префекты и республиканские комиссары, посланные де Голлем в провинцию, должны были отстаивать перед местными комитетами Освобождения деголевский вариант происшедшего.

Необходимо особо остановиться на роли МКО после Освобождения. По всей Франции эти комитеты, происходящие непосредственно из *маки* (партизан) или городских групп Сопротивления, взяли в свои руки вопросы местного управления и, постепенно, управления районного и областного. Они ставили своей целью с помощью Патриотической милиции не только поддерживать порядок и организовы-

вать розыск и аресты всевозможных коллаборационистов, но также заниматься и столь разными вопросами, как борьба с черным рынком, ценовая политика, уровень зарплат, восстановление координации предприятий и деятельности коммерсантов. Их легитимность в глазах местного населения, их стремление к немедленным политическим, экономическим и социальным изменениям превращают МКО в настоящую народную и почти революционную силу.

МКО в большинстве своем признали присланных де Голлем префектов и комиссаров, но требовали, чтобы те действовали под их руководством. Для де Голля такое решение было неприемлемым, поскольку его цель заключалась именно в том, чтобы унифицировать различные отряды Сопротивления и поставить их под свой личный контроль в ожидании восстановления единой централизованной власти.

МКО передали де Голлю власть через несколько дней после освобождения Парижа, а префекты и комиссары более или менее успешно контролировали регионы, освобожденные армиями союзников. Однако в других регионах дело обстояло гораздо проблематичнее (за исключением районов, в которых префекты сами происходили из местного Сопротивления и где благодаря этому совместная работа не вызывала большого напряжения). В отдельных же департаментах присланные префекты были не в состоянии приступить к выполнению своих обязанностей из-за трудностей во взаимоотношениях с МКО, опиравшимися на поддержку населения.

В первые месяцы неустойчивость временного правительства де Голля проявлялась и в нехватке кадров, и в недостаточности сил полиции, и в отсутствии иерархического стержня... Для того чтобы поднять авторитет новой власти, де Голль вынужден был опереться на кадры и элементы бывшего государственного аппарата вишистов.

Чтобы подсластить эту весьма горькую пилюлю, де Голль призвал к восстановлению традиционного порядка как к единственному средству сохранения независимости Франции от союзников-освободителей. В то же время он ввел в

правительство Жоржа Бидо, главу Национального совета внутреннего Сопротивления, и коммуниста Шарля Тийона, командира партизанского отряда ФТП, вместе с еще одним его товарищем-коммунистом. Это дало основание поверить в достижение компромисса между двумя властными структурами Сопротивления, хотя он и оказался лишь видимостью.

Для населения страны де Голль, НСС, Сопротивление и временное правительство были одним целым. Для элементов общества, которые составляли социальную базу Виши, — буржуазии, руководителей администрации, духовенства — временное правительство представлялось последней опорой перед угрозой общего народного восстания. Известный член Сопротивления Астьер де ла Вижери так выразил дилемму этой части общества: «Уж лучше Виши, чем де Голль; лучше де Голль, чем Сопротивление; лучше Сопротивление, чем коммунисты».

Де Голль, поддерживая своих ставленников на местах, также реабилитировал нужных ему руководителей местных администраций, скомпрометированных связями с Виши, и создал военные департаменты, во главе которых он поставил офицеров, не имеющих контактов с внутренним Сопротивлением. Их цель была ввести бывших партизан в регулярную армию, чтобы потом отправить на фронт уже в подчинении военной иерархии. Война была еще далеко не закончена, битвы возобновились с новой силой на востоке страны после контратаки фон Рунштета, и часть небольших регионов Франции все еще находилась в руках отчаянно сопротивлявшихся немецких войск. Военные отряды были отправлены в регионы с целью поддерживать усилия префектов по наведению порядка.

Последним прощанием с антифашизмом времен оккупации прозвучал приказ об отправке войск для размещения вдоль Пиренейских гор, чтобы помешать переходу в Испанию партизан-антифашистов испанского происхождения. Тысячи из них — специалисты по партизанской борьбе, укрывшиеся во Франции после гражданской вой-

ны в Испании, — пополнили и во многом сформировали некоторые партизанские отряды *маки*, причем из самых эффективных и отважных во Франции. Их война не заканчивалась разгромом Берлина: она должна была продолжаться до Мадрида и завершиться падением франкистского режима. Внеся столь значительный вклад в победу над фашизмом во Франции, испанские антифашисты надеялись на помощь или хотя бы на нейтралитет армии победившей Франции... Прозрение оказалось для них мучительным.

Все три основные составляющие Сопротивления — голлисты, социалисты и коммунисты — были согласны с необходимостью претворять в жизнь программу Национального совета Сопротивления (НСС), включая немедленную реформацию экономических структур и широкую программу национализации. Но все они, в том числе и коммунисты, были теперь согласны с тем, чтобы эта национализация проводилась «сверху».

Национальный конгресс МКО был созван в декабре 1944 года. Выступления коммунистического крыла были вялыми и неопределенными, призыв дирекции НСС к единству прозвучал еще менее выразительно. Это было началом конца деятельности МКО: коммунисты все больше «встраивались» в режим, населению все больше надоедало ждать радикальных перемен, отдельные харизматические личности вливались в ряды классических партий мирного времени, а муниципальные выборы 1945 года лишь ускорили конец МКО.

Что касается макизоров и партизан, их основных групп ФФИ (французские внутренние силы) и ФТП (свободные стрелки и французские партизаны), то де Голль хотел их распустить уже 28 августа, в момент освобождения Парижа, и поодиночке влить в регулярную армию: он боялся никем не контролируемых вооруженных групп, способных к тому же на политические маневры. Но расформировать их ему удалось только через полтора месяца, 16 октября. Другие, более мелкие, группы «нейтрализовывались» в ка-

зармах в бесконечном ожидании обещанных военных тренировок, открывавших им дальнейший путь к военной карьере. Многие, не выдержав, возвращались по домам или уходили в Патриотическую милицию.

Эти формирования, созданные коммунистами во время немецкой оккупации в качестве дополнительного резерва для партизан групп ФТП, перешли в марте 1944 года под контроль МКО. Ответственные за общественный порядок, они заменили полицию, которая считалась после Виши недостаточно надежной, и стали главными организаторами чисток и охоты за коллаборационистами. Они пользовались определенным доверием у населения, и многие видели в них защитников республиканских институтов, идеалов Сопротивления.

Временное же правительство и консервативные круги рассматривали МКО как постоянную угрозу восстановлению старого строя. Указ об их роспуске в октябре 1944 года вызвал всеобщее возмущение в рядах бывших участников Сопротивления. На деле декрет оказался мертворожденным. Специфический климат эпохи, в котором смешивалась близость войны, мелкий саботаж, беспомощный терроризм маленьких фашистских групп и охота на коллаборационистов, был крайне благоприятен для действия отрядов Патриотической милиции. Конфликт закончился неким компромиссом, который просуществовал в отдельных регионах до августа 1945 года.

Во время всех этих политических сотрясений Францию настигал социальный кризис, который отчасти был ими же и вызван. Он выразился в частности в политических процессах, слившихся с операциями чисток, а стало быть, с «антифашизмом».

Так, производственные конфликты все чаще приобретали политический характер, участились обвинения в коллаборационизме. Крупные владельцы фабрик и предприятий по разным экономическим и политическим соображениям много вложили в режим Петена и даже в нацистский оккупационный режим. Управляющие, со своей стороны, не

стеснялись угрожать несговорчивым рабочим депортацией в Освенцим.

А в освобожденных зонах были созданы комитеты управления, главным образом состоящие из рабочих и призванные немедленно направить экономическое развитие в новое русло. Во многом именно благодаря этим комитетам восстанавливалась промышленность страны. Комитеты управления выбирали различные формы деятельности: от роли консультантов до полного контроля за управлением предприятием.

Республиканские комиссары и префекты временного правительства поддерживали комитеты управления, а иной раз были даже инициаторами их создания, поскольку не видели другого пути налаживания послевоенной экономики.

Однако предприятия, подконтрольные этим комитетам, сразу столкнулись с большими трудностями: отсутствием материалов, разрухой, перебоями в снабжении и финансировании, усугубленными кознями банков и крупных магнатов, недобрым оком наблюдавших за «революционным» новым устройством.

Временное правительство разделяло негативное отношение к этим инициативам. Ни профсоюзы, ни Компартия Франции не сделали ничего, чтобы поддержать этот социальный эксперимент, хотя многие из их членов непосредственно в нем участвовали. Стратегия коммунистического руководства на тот момент заключалась в том, чтобы действовать в полном согласии с внутренним правительством и под основным лозунгом «борьбы за повышение уровня производства», но словно не замечая глубинных социальных изменений, которые предлагали эти комитеты. В 1945 году специальным декретом временного правительства, одобренным входящими в него основными партиями, были созданы «комитеты предприятий», роль которых сводилась к нейтральному наблюдению за порядком работы предприятия и к организации социальной жизни коллектива, — в точности «социальные комитеты» эпохи Петена!

В то же время готовились крупные проекты национализации шахт, энергетических предприятий, общественных служб, кредитных банков, транспорта и производства автомобилей (например, заводов «Рено», президент которых был арестован по обвинению в коллаборационизме). Но вследствие половинчатых решений законодателей (поставивших, в частности, возмещать убытки крупным предпринимателям-коллаборационистам) и технократического их исполнения идеи Сопrotивления были задействованы лишь частично и социальная их составляющая практически исчезала.

Комитеты предприятий существуют и по сей день. Достигнутая национализация социальных служб в последние годы опять оказалась под угрозой...

«Одна-единственная армия, одна-единственная полиция, одна-единственная администрация», — требовал Морис Торез на заседании ЦК Коммунистической партии Франции (КПФ) в январе 1945 года, защищая новый порядок де Голля и выступая против местных инициатив Сопrotивления. Вскоре у организаций Сопrotивления уже не осталось политических сил, чтобы защищать свои идеи. Именно КПФ, стремясь к скорейшему установлению режима де Голля, умно подготовившего компромисс с компартией, сделала все возможное, чтобы способствовать разоружению и распаду этих организаций. В новом подходе Тореза временно была совершенно отставлена социальная составляющая: исчезают обвинения в адрес господствующего класса, согласие с сокращенной версией национализации — важная часть программы НСС. Разочарование членов партии было огромным, и только личное обаяние Тореза помогло предотвратить раскол. Парадоксально: не временное правительство, а именно КПФ добились окончательного разоружения и прекращения деятельности организаций Сопrotивления.

Еще одна важная составляющая нездоровой атмосферы, усиливавшейся с начала 1945 года, заключалась в политическом и моральном провале послеокупационных чисток,

которые виделись как первейшее условие политического и социального преобразования страны. Вначале в чистках участвовали силы МКО. Конечно, и в их действиях было достаточно многочисленных перегибов и сведения счетов, но тем не менее их основной пафос заключался именно в антифашизме и разрыве с отжившим социальным порядком. Реставрация режима и сопровождавший ее общественный настрой привели к тому, что идеологический смысл, вкладываемый в проведение чисток Спротивлением, был потеряян.

Вскоре вновь заработавшие суды попробовали подвести юридическое основание под уже шедшие вовсю чистки, но судебная система была сама очень скомпрометирована во времена Петена...

Ведение политических процессов оказалось крайне затруднено, тем более что правительство, со своей стороны, всячески старалось предотвратить их, чтобы не вставал вопрос о легитимности новой власти. Петен и Лаваль (глава вишистского правительства) были осуждены как личности, но процесс против правительства Виши так никогда по-настоящему и не состоялся. Коллаборационисты арестовывались по бытовым статьям. К тому же, учитывая количество дел, подлежащих рассмотрению, правосудие двигалось черепашим шагом, а неадекватность приговоров изумляла население.

Хуже того, становилось очевидно, что степень строгости приговоров зависела от политического развития страны: представители высших социальных кругов, которым удалось выиграть время и затянуть процесс, получали вполне мягкие приговоры.

Растянутые по времени, неравномерные и, соответственно, несправедливые чистки отравляли послевоенную атмосферу и приводили к взрывам недовольства среди разочарованного и озлобленного населения; множились нападения на тюрьмы, суды Линча, расстрелы без суда и следствия, воссоздавались даже партизанские отряды-мстители, часто поддерживавшиеся населением, но преследовав-

шиеся по закону (хотя и не слишком усердно) новым правительством.

В то же время в силу административной необходимости временное правительство реабилитирует местное руководство, полицейских и военных, замешанных в сотрудничестве с немцами, и те в свою очередь начинают чистить свои ряды от оказавшихся в них членов Спротивления, пользуясь более чем смутными временами. История французской полиции до сих пор несет печать событий того времени. Крайне символичен случай Мориса Папона, заместителя префекта и усердного участника депортации многих сотен евреев Бордо. Он сумел сделать карьеру после войны и в 1970-е годы достиг поста государственного секретаря; правда вышла наружу лишь в 1998 году, когда он наконец был осужден (а вскоре освобожден по состоянию здоровья).

Жизнь налаживалась медленно; постоянные нехватки наложили тяжелый отпечаток также на отношения деревни и города, проведя социальную грань между рабочими и крестьянами. МКО с большим или меньшим успехом пытались сгладить эти противоречия, но постепенно этот процесс был взят под контроль централизованной администрацией. Многие крестьяне были потрясены возвращением вишистов, во имя реорганизации страны, на руководящие должности. Им казалось, что новая администрация не представляет их интересов, а отказ МКО от власти отнимал у них возможность политического самовыражения.

В июле 1945 года коммунист Торез произносит речь против забастовок. Забастовки именуются «оружием трестов», а бастующие — «вишистами и антикоммунистами». Среди коммунистов муссируется тема «битвы за увеличение производства». Но ни зарплаты, ни улучшение условий труда не сопровождают эту «битву».

Неприятие этого нового порядка вылилось в сильнейшее социальное движение 1947 года, поднявшее более миллиона трудящихся.

Забастовки, организованные в основном анархистскими и троцкистскими комитетами и иной раз физически подавляемые коммунистами и официальным профсоюзом, были своего рода восстанием против экономической и социальной политики так называемого триединства (голлисты, социалисты и коммунисты), но также и признанием рабочими своего поражения, поражения идеалов Освобождения. Важная деталь: забастовочное движение началось именно с национализированных после освобождения предприятий.

Существование МКО, комитетов управления и отрядов Патриотической милиции было очень коротким: от нескольких месяцев до — редко — почти одного года, и все же этот политический и социальный эксперимент был одним из самых оригинальных, дерзких и созидательных во французском социальном движении XX века. Однако от этих истинно демократических институтов власть быстро перешла в руки парламентской демократии.

А структурные реформы, направленные по своей сути против капиталистической монополизации и осуществившие мощнейшую реконструкцию всей экономической системы, позволили тем не менее монополистам, главной социальной базе Петена, выйти из этих потрясений практически без потерь.

В настоящий момент во Франции и особенно в Италии мы наблюдаем пересмотр социальных достижений Освобождения. В Италии под руководством Берлускони эта тенденция выражается в пересмотре истории, ведущем к постепенной реабилитации фашистского режима Муссолини. Это не случайность: Сопротивление сознательно превращается из основы республиканских принципов современной Италии в одну из страниц итальянской истории, а его социальные достижения, записанные по сей день в Конституции, опять ставятся под вопрос. Во Франции этот переход даже не понадобился...

Пьер Эриссон
Франция

• История Сопротивления

«ПИРАТЫ ЭДЕЛЬВЕЙСА» — СОПРОТИВЛЕНИЕ МОЛОДЕЖИ ПРИ НАЦИСТСКОЙ ДИКТАТУРЕ

Не секрет, что любое государство оставляет за собой право определять своих национальных героев. При этом тем, кто не полностью соответствует господствующим идеологическим установкам, но чьи достойные действия заслуживают внимания, не снискать ни общественного признания, ни хотя бы упоминания в школьных учебниках. И хотя этот механизм закреплен многовековой практикой, за каждую обреченную на забвение судьбу становится так обидно, что возникает же-

лание немедленно восстановить ее место в человеческой исторической памяти.

Долгие годы в послевоенной Германии (как Западной, так и Восточной, — однако речь здесь будет идти именно о ФРГ) никто не знал, что такое «Пираты Эдельвейса». Вернее, многие жители Кельна и ряда других крупных городов о них как раз знали, однако, превратившись относительно недавно в порядочных граждан, исповедующих исключительно демократические ценности, не хотели, чтобы им напоминали о неприятном прошлом. Ведь одно упоминание о том, что существовали настоящие противники нацистского режима, невольно ставило под сомнение их собственную позицию по отношению как к палачам, так и к их жертвам. Наличие сил сопротивления неизбежно бросало тень на немощных жертв диктатуры, каковых строило из себя большинство немецкого населения. Потому и неудивительно, что до сих пор бытует мнение, согласно которому «Пи-

раты Эдельвейса» на самом деле были не кем иным, как бандитами.

После создания гитлерюгенда в 1936 году все сформированные до этого молодежные союзы и организации должны были войти в состав новой нацистской организации военизированного типа. Однако многие из них не стали подчиняться приказу и продолжали встречаться в прежнем формате, несмотря на усиливающееся давление со стороны нацистской власти. Среди неподчинившихся доминировали группы из так называемой «союзной» молодежи. Это были девушки и юноши, мотивировавшие свою волю к неповиновению не принадлежностью к той или иной политической партии, а просто желанием быть самими собой. Их главными занятиями были коллективные походы в лес и пение под гитару. Нацистская военная дисциплина и безоговорочное подчинение воле вождя им были чужды, да и внешне они явно отличались от нацистской молодежи: и непривычными по тем временам длинными волосами, и значками с изображением эдельвейса, которые многие носили. Назывались они, к примеру, «Навахо» или «Пираты с Рура» (одна из рек западной Германии), однако в официальной нацистской пропаганде их всех звали «Пиратами Эдельвейса»; сами же пираты это название отвергали напрочь.

Поначалу они руководствовались лишь нежеланием принять навязанное нацистами ограничение свободы собраний, ставя под сомнение роль гитлерюгенда и Союза немецких девушек, претендовавших на объединение всей немецкой молодежи старше 14 лет. Но уже через несколько лет деятельность пиратов была направлена против режима как такового.

Нацисты не допускали ни малейшего отклонения от унификации мышления и быта, и со временем «союзные» группы стали подвергаться все усиливающимся репрессиям со стороны гитлерюгенда и, позднее, гестапо. В 1942–1943 годах их существованию был положен конец, большинство активистов сидело в тюрьмах.

Совсем отдельным явлением стали группы «пиратов Эдельвейса», создавшиеся уже после начала Второй мировой войны в рабочих районах крупных промышленных городов Рурского

бассейна. Их объединяла принадлежность к наименее обеспеченным слоям общества, в отличие от более состоятельной «союзной» молодежи. Несмотря на внешнее сходство, их деятельность и песни отличались по существу, к тому же рабочая молодежь с удовольствием приняла самоназвание «Пираты Эдельвейса». Их явный призыв к отказу от принудительного вступления в нацистские молодежные организации и протест против нацистской модели воспитания молодежи в целом во многих рабочих районах оказался настолько привлекательным, что власти оказались в сложном положении. Нередко дело доходило до масштабных драк с представителями органов власти. Кроме того, пираты печатали и распространяли антирежимные листовки, расписывали стены антинацистскими и антивоенными лозунгами, совершали акты саботажа на заводах, где они работали; известны случаи, когда пираты поддерживали украинских и польских подневольных рабочих и советских военнопленных продуктами. Они помогали евреям укрываться от нацистов; наконец, в сентябре 1944 года один пират застрелил известного своей жестокостью ортсгруппенляйтера.

В течение нескольких лет многим пиратам удавалось совмещать обычную, официальную работу с нелегальной деятельностью, сохраняя бросающийся в глаза внешний вид. Они входили в бригады помощи жертвам бомбардировок и, рискуя собственной жизнью, спасали население из горящих жилых домов, что в народе оценивалось весьма положительно. Однако после высадки американских войск в Нормандии им угрожало привлечение к строительству оборонительных валов на западном фронте, что для пиратов было совершенно неприемлемым, ибо они изо всех сил пытались не содействовать продлению войны. Так многие ушли жить в подполье. Жилые кварталы были почти полностью разрушены, поэтому им поначалу даже не приходилось покидать свои родные районы; вместо того чтобы бежать подальше, они подыскивали себе подходящую для жизни развалину в пределах хорошо известной им местности. Гораздо сложнее оказалось доставать еду, ведь подпольщики не получали талоны на продукты. Они выходили из положения способом, именуемым в народе простым словом «бандитизм». Пираты добывали пропитание с

помощью уголовников и фарцовщиков или совершали набеги на места хранения продуктовых талонов.

Однако пираты не сумели долго продержаться на воле. Осенью 1944 года большинство активистов были задержаны и посажены в тюрьмы и концлагеря. 10 ноября палачи из гестапо публично повесили 13 молодых сопротивленцев, имевших отношение к «Пиратам Эдельвейса». Их убили без приговора суда в одном из рабочих кварталов Кельна.

В 1984 году институт «Яд Вашем» признал нескольких «Пиратов Эдельвейса» праведниками мира, в их числе и убитого без суда Бартеля Шинка, и его друга Яна Юлиха, выжившего после заключения и пыток. Юлих все еще борется за признание друга жертвой фашизма в Германии, ибо Бартель Шинк до сих пор числится в архивах как уголовник. Правительство земли Северный Рейн — Вестфалия в конце 1980-х годов заказало историческую экспертизу, заключение которой утверждает, что, мол, пираты не были уголовниками, но в то же время они, оказывая сопротивление, якобы не руководствовались высокими моральными ценностями. Яна Юлиха до сих пор возмущают надменные слова историка. «Нам было 15–16 лет, и мы не хотели подчиняться муштре нацистской молодежной организации. Мы протестовали не против большой политики, однако мы руководствовались здравым смыслом. Правда, в условиях диктатуры от этого до политического сопротивления лишь маленький шаг. Видимо, и гестапо это именно так и понимало, иначе нас не стали бы беспощадно преследовать, сажать в тюрьмы и подвергать пыткам». Два года назад пираты все-таки удостоились публичной оценки кельнских властей как политические борцы, преследовавшиеся нацизмом. Однако за признанием на словах не последовали никакие компенсационные выплаты, что, собственно, по закону приравнивало бы их к другим жертвам нацизма, ставшим героями и вошедшим во все школьные учебники. Итак, выходит, что власти не слишком стремятся популяризировать отважные действия ребят из рабочих кварталов: вдруг им станут подражать те, кто не хочет подчиняться законам нынешней политической системы?

Вера Бредова

• Антифашистская хроника

ПЕТЕРБУРГ МАРШИРУЕТ ПРОТИВ РАСИЗМА

Шестого ноября в Петербурге прошел «Марш против ненависти», посвященный памяти убитого в прошлом году этнолога-антифашиста Николая Михайловича Гиренко и всем жертвам расизма и фашизма. Среди организаторов марша были руководитель группы по правам национальных меньшинств В. Узунова, бывший депутат Госдумы Ю. Нестеров, депутат Госдумы и сопредседатель Санкт-Петербургского «Яблока» С. Попов, руководитель Лиги избирательниц Т. Дорутина, председатель Антинацистского центра Ю. Рыбаков, генеральный директор Санкт-Петербургского отделения СПС И. Кучеренко, председатель молодежной организации «Яблоко» и организации «Оборона» А. Шуршев, заместитель председателя организации «Гражданский контроль» Ю. Вдовин, член Республиканской партии России Н. Лебедева. Оргкомитет акции возглавлял А. Я. Винников.

Участники собрались у дворца спорта «Юбилейный» и проследовали по проспекту Добролюбова, Биржевому мосту и Университетской набережной до площади академика Сахарова. Были слышны лозунги: «Фашизм не пройдет!», «За Россию без расизма!» и «Мир цветной, а не коричневый!».

После марша состоялся митинг на площади Сахарова на Васильевском острове. На нем выступили друзья и коллеги Гиренко, активист петербургской организации «Африканское единство» А. Тумкара, представители участвовавших в марше политических партий и общественных организаций. Собравшиеся почтили минутой молчания память жителей и гостей города, погибших в ушедшем году от рук расистов. А. Тумкара от имени «Африканского единства» перечислил имена пострадавших от расистских нападений членов африканской общины Петербурга.

Среди ораторов были преподаватели и студенты вузов Петербурга, депутат Госдумы Сергей Попов, депутат Законодательного собрания Петербурга Михаил Амосов, правозащитники Юлий Рыбаков и Элла Полякова, активист Объединенного гражданского фронта Ольга Курносова. Выступали лидеры СПС, «Яблока» и Республиканской партии России. Общественные организации на марше представляли Санкт-Петербургский «Мемориал», «Международная амнистия», «Солдатские матери Санкт-Петербурга» и «Гражданский контроль».

Ораторы говорили об ответственности каждого жителя города за судьбу тех, кого избивают и убивают на наших глазах за цвет кожи, внешность или акцент. К примеру, Юрий Нестеров призвал защищать людей «неславянской» внешности, если кто-то пытается завязать с ними драку в общественном месте. Неоднократно звучала мысль о том, что власти города и страны в целом ничего не делают для того, чтобы однозначно выразить свою непримиримость по отношению к фашизму и расизму. В частности, этнолог и сотрудник Н. М. Гиренко по Кунсткамере Валентина Узунова, а также преподаватель медицинского института Андрей Пуговкин указали на отсутствие на антифашистском митинге представителей властей города и региона. Преподаватель привел как пример бессилия и нежелания городских властей защитить иностранных студентов такой позорный факт: ежегодно студенты с цветной кожей получают в Петербурге дополнительный выходной в день рождения Гитлера, поскольку попросту боятся выйти из дома в этот день. Говорилось об общественной поддержке расизма, о ксенофобии в прессе и в правоохранительных органах. Проводились параллели между сегодняшней позицией властей и политикой преследования целых народов, проводившейся в СССР при Сталине. Член «Мемориала» Вячеслав Долинин также напомнил собравшимся о практике травли политических заключенных разных национальностей, проводившейся КГБ.

Преподаватели и студенты говорили в своих выступлениях о распространении ксенофобии в российской системе образования. «Не молчите, если учитель несет расистскую чушь!» — прозвучало со сцены. Задавались вопросы о том, почему в Рос-

сии не снимаются достаточно серьезные документальные фильмы о проблеме расизма. В речи Юлия Рыбакова, наряду с другими ораторами, звучало возмущение тем, что 4 ноября власти Москвы разрешили в центре города шествие националистов под антииммигрантскими лозунгами. (Мало кто упоминал о том, что аналогичное по содержанию, хотя и более скромное по масштабу мероприятие проходило двумя днями ранее и в Петербурге.) Рыбаков также показал на примере нацистской Германии, насколько опасен преступный союз власти и правых экстремистов. Выступивший в конце митинга Михаил Амосов отметил некоторые положительные изменения в межрасовой политике Петербурга за последний год — например, расследование нескольких уголовных дел о возбуждении расовой ненависти.

Несмотря на моросивший все время дождь, марш собрал, по разным сообщениям, от 400 до 700 участников. В отличие от прошлого года, когда на марш вышли представители многих национальных общин и землячеств города, в этом году петербургский интернационал был представлен примерно двумя десятками темнокожих студентов из организации «Африканское единство», пришедшими на митинг с эмоциональными плакатами. Значительно больше, чем на предыдущем марше, было членов леворадикальной «Рабочей оппозиции» и других марксистских организаций, а также анархистов. Участвовавшие в марше представители Санкт-Петербургского «Мемориала» выставили транспаранты: «Позор городу, где убивают гостей» и «Петербургский ответ расистам — нет!». В конце митинга была принята резолюция о создании общественного движения «За Россию без расизма».

Хотя в «Марше против ненависти» участвовали люди разных политических взглядов, а призывы ораторов временами противоречили друг другу, в целом участники марша были объединены решимостью давать отпор расизму и национализму во всех его проявлениях как в политике, так и в повседневной жизни. Было немало молодежи, и это давало маршировавшим повод для оптимизма и заряд бодрости.

• Антифашистский анализ

ВПЕЧАТЛЕНИЯ О СОСТОЯВШИХСЯ В МОСКВЕ ШЕСТВИИ И МИТИНГЕ ПО СЛУЧАЮ ДНЯ НАРОДНОГО ЕДИНСТВА

Русь, куда ж несешься ты?
Дай ответ. Не дает ответа.

Гоголь

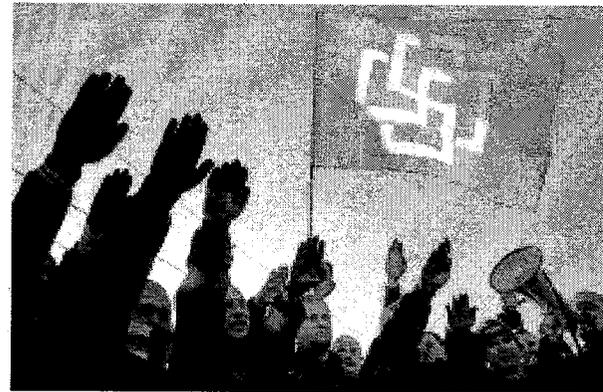
С. Ганнушкина

Четвертого ноября в 11 утра, выходя из дома, у нашей подворотни я наткнулась на группу сотрудников милиции.

По всему Покровскому и Чистопрудному бульварам через каждые 50 метров стояли милиционеры, многие с собаками. Симпатичных участников предстоящего действия за отсутствием для них непосредственной работы спустили с поводков, и они весело носились по газонам, разгоняя голубей.

Вдоль бульвара от памятника Грибоедову выстраивались колонны участников шествия с транспарантами. Знамена «Евразийского союза», ДПНИ, ЛДПР, НДПР, РОД и других узурпаторов понятия «патриоты».

Перед колонной ДПНИ стояли барабанщицы в красных курточках и фуражках с тамбур-мажоршей впереди. Мое огорчение по поводу того, что милые девушки оказались среди «пней», развеял Олег Орлов из Правозащитного центра «Мемориал». Он слышал, как барабанщицы

торопили организаторов начинать, поскольку они приглашены еще на несколько мероприятий.

Двинулись бульваром под барабанный бой. Ничего не скажешь — яркое шествие примерно двух тысяч человек, огромные фирменно сделанные транспаранты поперек потока, разделяющие организации. Все лозунги обещанные: «Русские идут!» (повторялся по несколько раз), «Слава русскому оружию!», «Долой оккупантов!» — видимо, польско-литовских.

Вот НДПР несет свои кустарные лозунги, написанные на листах ватмана и направленные против нелегальных мигрантов, каких-то шавок, террористов, жидомасонов в одном флаконе. Эндэпээровцы, объявившие меня год назад недругом русского народа, услышали, как мы обсуждаем, стоит ли записывать эту галиматью. «Записывайте, записывайте, — стали кричать нам, — скоро нас будут миллионы!» Их лидер Севастьянов, который позавчера посе-

тил нашу пресс-конференцию, с торжеством заявил: «Вы думали, я один?! Смотрите на них!»

Мы на них не только смотрели, но и их слушали. Представители НДПР скандировали свои обычные лозунги, вроде: «Русскому народу — русскую власть!», «Россия — страна славян!». Особенно они настаивали на том, чтобы дали «каждой русской матери русского ребенка!» — странный призыв, порождающий неоправданные сомнения в полноценности русских мужчин.

На углу Покровки в марширующих полетели несколько наполненных водой презервативов. Бросавшие были из числа небольшой группы, человек в десять, скандировавшей: «Фашизм в России не пройдет!» Их снаряды были слишком легкими и не долетели до идущих. Однако часть маршировавших бросилась бить антифашистов.

Милиция немедленно вмешалась и не допустила драки. Забрали одного метателя (если только его правильно определили). Молодой человек назвал себя представителем СПС. Пять дюжих сотрудников милиции на автобусе повезли его в отделение, куда мы за ним не последовали, ограничившись тем, что показали милиции удостоверение членов Экспертного совета при Уполномоченном по правам человека в РФ и дали задержанному свои телефоны. Другой представитель СПС в это время уже вызывал в отделение адвоката.

Второй эпизод с задержанием произошел у церкви Всех Святых на Кулишках. Та же группа, состоящая, главным образом, из участников многолетнего четвергового антивоенного пикета на Пушкинской, встретила шествие скандированием: «Фашизм в России не пройдет!»

Их снова попытались побить, и снова милиция не допустила ни побоища, ни драки. наших коллег отвезли в отделение милиции № 46, откуда после некоторых объяснений отпустили с миром. Олег Орлов ездил в отделение вместе с ними. Мне же довелось выслушать звучавшие на митинге речи.

Вначале в записи выразительным женским голосом был прочитан, кажется в некотором расширенном варианте, манифест «Евразийского движения». Голос призывал бороться с американизмом и объединяться со всеми его противниками. Победим Америку, а потом разберемся между собой, — таков был главный лозунг, звучавший сквозь эклектику излагаемых идей.

Молодой евразиец, открывший митинг, неожиданно высоким фальцетом стал призывать к борьбе с оранжевой заразой и грозил немедленно поехать и разобраться с режимом Ющенко.

Интеллектуальный уровень всех речей оказался ниже моих самых пессимистических предположений. Возможно, это осознанная тактика устроителей — варить простую похлебку для простых людей.

Бесконечно повторялись лозунги: «Россия для русских!», «Кому принадлежит Россия!? — Русским!», «Россия — все, остальное — ничто!».

Заключительное слово держал Александр Белов, руководитель ДПНИ. Ничего нового он не сказал: все те же 90% таджикского наркотрафика, искаженная статистика изнасилований и прочая ложь, кажется уже наскучившая даже его коллегам. Может быть поэтому Белов посетовал, что не дали слова Севастьянову. (Несколько его борцов с жидомасонами были доставлены в милицию за выкрикивание антисемитских лозунгов.)

Лидер «пней» заставил митингующих задуматься на несколько секунд. Вопрос: «Кому принадлежит Москва?!» — ему пришлось повторять несколько раз с интонацией от спокойной до истерической, пока митинг не сообразил крикнуть в ответ: «Русским, русским!»

На том и завершили празднование Дня народного единства в стране, когда-то победившей фашизм...

Светлана Ганнушкина

<http://www.hro.org/actions/nazi/2005/11/04.php>

РАЗГОН АНТИФАШИСТСКОГО ПИКЕТА: ХРОНИКА СОБЫТИЙ

- Что это вы несете? Лозунги?
- Это картины, Малевич.
- Черный квадрат? Копия?
- Нет, оригинал...

Участники антифашистского пикета у здания московского правительства собирались у памятника Юрию Долгорукому и разворачивали черные полиэтиленовые пакеты. Их оппоненты в серых милицейских полушубках были уже готовы.

После нацистского шествия 4 ноября антифашисты подали заявку на свое шествие по Тверской улице, от Белорусского вокзала. Им отказали, предложив помитинговать у вокзала и никуда не идти. Организаторы решили пикетировать мэрию, протестуя против запрета. Лозунги: «Фашизм не пройдет!», «Протестуем против запрета антифашистского марша», «Мэрия потакает фашистам?» Об этом по-

слали уведомление в московское правительство. Оттуда последовало возражение — оказывается, «под копытами» пикет невозможен: там-де автостоянка, а на автостоянках пикетировать никак нельзя, на что есть соответствующий подзаконный акт третьего порядка... В общем, бред и издевательство. Правильно или нет антифашисты вышли «под копыта» 27 ноября — вопрос другой.

А вот относительно действий милиции все ясно.

*****

Разгонять начали еще до 14:00, до официального начала пикета. Антифашистские лозунги ломали и втапывали в грязь. Кого-то волокли по земле. Из полутора-двух сотен

пришедших больше трети были погружены в милицейские автобусы.

Среди пикетчиков был один в инвалидной коляске. В какой-то момент его тоже схватили и попытались запихнуть в автобус. Коляска, однако, не пролезала. Тогда его уволокли куда-то в сторону. Его несколько раз утаскивали, но каждый раз он возвращался обратно. Остальные очень боялись за него, пытались окружить, прикрыть собой.

На площади работали фото- и тележурналисты, но не только. Тут же трудились «работники невидимого фронта», чем-то неуловимо отличавшиеся от корреспондентов. Наверное, тем же, чем «люди в штатском» от пикетчиков. Их «старшой» дискутировал с протестующими, периодически давая «мальчикам» указания: «Сними этого! Этого сними!» Что это за фрукт, стало ясно лишь после его слов о деньгах, которые «вам всем тут заплатили». Интересно, они сами-то верят в собственное вранье? Если у них остается здоровый цинизм, то еще ничего. А если бредятина «для пролов и членов внешней партии» равным образом потребляется и усваивается членами «партии внутренней», тогда кранты...

*****

Когда задержали и повели Светлану Ганнушкину, она попросилась в автобус, где за стеклом было заметно лицо кого-то из ее коллег — кажется, Олега Орлова. Наверное, профессиональная солидарность: один член Президентского совета по правам человека и гражданскому обществу хотел побыть в обществе другого. Но желание это не было исполнено — милиционер, стоявший у двери автобуса, воспрепятствовал «конвоиру»: «Ты сам ее задержал — так сам ее веди, в свой автобус сажай и сам протокол составляй...»

В этом же автобусе находились двое вроде бы случайно оказавшихся «под копытами» и задержанных людей.

Один из них — рэпер, по его словам, в пикете не участвовал. Задержали его потому, что на лице его была маска. Маску же он якобы надел, потому что боялся: антифашистский митинг, будут фотографировать скинхеды, потом побьют... Но в глазах горел огонек, заставлявший сомневаться в его словах.

Другой, в очень штатском, тоже говорил поначалу, что проходил-де здесь случайно, а потом — что он по званию выше всех этих милиционеров, вместе взятых. Предположение, что он из ФСБ, отмел. Его куда-то увели...

Меж тем милицейский майор говорил задержанным: «Да ну вас, вы демагоги, а мы работаем... Мы тоже против фашизма и со всеми вашими лозунгами согласны... Мы охраняем граждан, а вы нам мешаете... Вам лишь бы скандал устроить, вы демагоги... Мы ведь тут для того, чтобы вас защитить, а то придут фашисты и вас избьют...»

Авторство последней сентенции вряд ли принадлежит майору — что-то подобное говорили и 4 ноября, когда в ходе движения «пней» по московским улицам похватали и отвезли в милицию почему-то только антифашистов.

Этот автобус отъехал на несколько сот метров от площади, там всех задержанных отпустили.

*****

Между тем к площади подходили опоздавшие — по одному, по двое, по трое. Площадь продолжали «зачищать».

Милиционеры вытесняли остатки людей с площади, двигаясь шеренгой, со словами: «Уходите оттуда, здесь проезжая часть!» — «Какая, скажите на милость, проезжая часть? Тут же „зебра“!» — возражали остатки. Продолжили возмущаться, прижатые к подножию Долгорукого: «А здесь вообще тротуар!» Милиционеры, вытолкнув очередную партию пикетчиков, завели свой пепелац и сделали показательный круг по «зебре». На словах непонятливым сообщили: «Вот видите — это проезжая часть, здесь наша машина ездит!»

Вскоре «под копытами» почти не осталось участников действия. Но, сами понимаете, центр столичного города, воскресенье, люди чего-то ходят. Милиция пыталась пресекать и это. На вопрос: «А в чем, собственно, причина?» — отвечали: «Здесь несанкционированный митинг!» — «Но ведь митинга уже нету...» — «Все равно уходите!»

На неуместный вопрос «куда?» следовало: «На Пушкинскую, там санкционировано!» Объяснять этим серым персонажам, что на Пушке митингует «Родина», было излишне.

...Пушкинская площадь была оцеплена по периметру, у барьеров стояли, чередуясь, по три вэвэшника в камуфляже, по три милиционера в сером, по три дружинника с повязками. Площадь была пустынная. Только напротив памятника Пушкину виднелась группа людей — наверное, «рогозинцы». Непонятно, кого и от чего тут охраняли. Возможно, потому, что наутро было объявлено о снятии списка «Родины» с московских выборов. Тщетная предосторожность: электорат не вышел на улицы, чтобы защитить любимую партию.

Странно выглядели люди с повязками «Дружинник» — обоего полу, немолодые, хорошо одетые. На вопрос: «Чьи вы, хлопцы, будете?» — последовало неохотное: «Это у нас наследственное. Мы — наследники тех еще дружинников». В общем, ушли от ответа...

*****

В отделении милиции были явно не готовы к приему задержанных — их «оформление» затянулось на девять часов.

Ломались ксероксы, заканчивался порошок в картриджах. Скрипели ручки по бумаге, скрипели милицейские мозги. Я не утверждаю, что квалификация стражей порядка была низка, но тут им неожиданно пришлось общаться с людьми, читавшими законы и привыкшими отстаивать свое мнение. И даже брошенная на подмогу бригада из другого отделения не спасала ситуацию. Один автобус был отправлен из Тверского ОВД в Хамовники.

Кого-то освобождали раньше других. Бориса Беленкина, которого при задержании какой-то мент со всей дури стукнул по голове, увезли на «неотложке». Его даже не «оформляли» — зачем милиционерам лишний «геморрой»?

Освободили без составления протокола нескольких человек, чье задержание выглядело совершенно неприлично по причине преклонного возраста, в частности Ирину Владимировну Высочину и Альберта Григорьевича Лурье.

Впрочем, отнюдь не все желали свободы любой ценой. Вот Сергея Адамовича Ковалева хватавшие и грузившие милиционеры упорно старались не замечать. Тогда он сам сел в автобус с задержанными. Но дальше милиционеры столь же упорно отказывались оформлять его задержание. В Хамовническом ОВД Ковалев числился во внепроцессуальной категории «доставленных» — в отличие от других, «задержанных».

Порядок в Тверском ОВД не восстановился, несмотря на «братскую помощь» других отделов. Так, всем задержанным вменяли часть 2 статьи 122 КОАП (Кодекса об административных правонарушениях, с одним «П», а не Комитета охраны авторских прав природы), но некоторым почему-то досталась часть 3 этой статьи. Это немного странно, потому что часть 3 — это пикетирование ядерных объектов. Может, милиционеры в суматохе не ошиблись, а раскрыли государственную тайну? Может, под Долгоруким атомный реактор закопан? Я теперь ни в чем не уверен... Ведь освещал этот паноптикум иконостас портретов отечественных министров внутренних дел. Среди прочих министров и комиссаров на задержанных смотрели добрые, пронизательные, чуть усталые глаза Николая Ивановича Ежова и Лаврентия Павловича Берия.

В суматохе несколько человек просто-напросто ушли. Просто так. И никакие протоколы на них составлены не были.

В двенадцатом часу разошлись все. Ну, почти все. Милиционеры ухитрились потерять паспорта Давидиса и Храмова, начались долгие поиски...

28 ноября безумие продолжилось, теперь уже в Большом Черкасском переулке, где расположен судебный

участок № 369. Начатый было поутру суд отложили сначала на два часа пополудни, потом просто перенесли на завтра и послезавтра по причине неявки проводивших задержание милиционеров и людей из префектуры. Но неприветливые секретари Тверского суда сначала отказывались выписывать повестки задержанным. Те отказались покинуть зал заседаний без повесток. Когда повестки стали таки оформлять, судейские вписывали в них умопомрачительные формулировки типа «приглашается в качестве правонарушителя»...

*****

Все это, мягко говоря, странно и непонятно. Почему? Зачем?

Разумеется, я говорю о властях, а не об участниках пикета. Почему запретили антифашистов, а «Родине» митинговать разрешили? Кстати: никем не опровергнуто и якобы данное на тот же день движению «пней» разрешение пикетировать московские рынки. Хотя, кстати, патриотически озабоченные личности не пришли ни на Пушкинскую, ни к рынкам — их активность осталась в виртуальном.

Непонятно, зачем властям понадобился жесткий разгон воскресного пикета?

Кажется, власть обиделась на лозунг «Мэрия потакает фашистам?», и вроде даже в суд хотят подавать. Но, похоже, своими же действиями власти предрержающие снимают вопросительный знак.

Впрочем, если у чиновника есть право запрещать, он его обязательно использует. Для нашего с вами, разумеется, блага.

А нам теперь, по крайней мере, можно всерьез задуматься: кто же стоит у власти в городе и в стране, если из всех возможных врагов главным оказываются антифашисты.

А. Черкасов

<http://www.polit.ru/analytics/2005/11/29/antifash.html>

Светлана Ганнушкина направила открытое письмо на имя мэра Москвы и Генерального прокурора России. Она призывает власти российской столицы обратить пристальное внимание на безнаказанную деятельность московских неонацистов.

ОТКРЫТОЕ ПИСЬМО МЭРУ МОСКВЫ Г-НУ ЛУЖКОВУ.

Копия: Генеральному прокурору В. В. Устинову

Москва
29 ноября 2005 г.

Уважаемый Юрий Михайлович!

К сожалению, мое письмо Вам от 18 октября 2005 г. осталось без ответа.

В том письме я просила Вас незамедлительно обратиться в прокуратуру с просьбой о возбуждении судебной процедуры по ликвидации организации «Движение против нелегальной иммиграции» (ДПНИ) и прекращении ее деятельности в г. Москве на основании ст. 44 Федерального закона РФ от 19.05.95 № 82-ФЗ «Об общественных объединениях» за систематические нарушения своими действиями прав и свобод граждан.

Кроме того, Вам и Генеральному прокурору В. В. Устинову было направлено подписанное несколькими сотнями граждан письмо с требованием запретить шествие в Москве экстремистских организаций. Ни то, ни другое не было сделано.

Шествие и митинг состоялись 4 ноября 2005 г. Они покрыли позором наш город и наше время.

Зато не было разрешено проведение 27 ноября антифашистского марша и митинга, а также пикета напротив

Московской мэрии в знак протеста против этого запрета.

Однако организация ДПНИ, по сообщению, помещенному на их сайте, в тот же день «вместе с партией „Родина“ провела 37 пикетов у рыночных комплексов столицы под лозунгами: „Москва принадлежит нам!“ и „Русские, вооружайтесь!“ Было роздано более 10 000 листовок, на обратной

стороне которых прилагалась инструкция для легального приобретения оружия» (текст листовки здесь).

Такие листовки, действительно, раздавались у рынков в Москве, пока антифашистов задерживали, били, закидывали в автобусы и доставляли в ОВД «Тверское» и «Хамовники». Сегодня участников пикета судили и приговорили к штрафу: мужчин — в 1000 руб., а женщин, почему-то, в 500 руб.

Хочу отметить, что многие сотрудники милиции выражали солидарность с нашими требованиями и недоумение по поводу того, что они, дети и внуки героев ВОВ, вынуждены разгонять антифашистский пикет. В частности, из автобуса, куда была посажена я, все граждане были отпущены без каких-либо последствий.

Во время моего посещения 1 ноября 2005 г. 2-го отдела 5ОРЧ по борьбе с экстремизмом УБОП ГУВД Москвы меня ознакомили с объяснениями руководителя ДПНИ г-на Поткина (Белова), который отрекается от причастности к сайту www.dpni.org, поскольку сайт зарегистрирован на частное лицо. По словам вызывавшего меня сотрудника отдела А. И. Максимова, доказать эту связь сложно, так же как и подтвердить экстремистский характер организации ДПНИ и «многих еще хуже», на которых лежит без движения собранный материал.

Тем не менее, я полагаю, что существуют профессиональные методы проверки подобных фактов.

Поэтому я еще раз обращаюсь к Вам, как к мэру города, в котором я живу и за который чувствую свою ответственность.

Прошу Вас, уважаемый Юрий Михайлович, употребить все Ваше влияние, Вашу волю и данную Вам москвичами власть на реальную борьбу с экстремизмом, ксенофобией, разжиганием ненависти и призывами к насилию, распространяемыми ДПНИ и другими экстремистскими организациями.

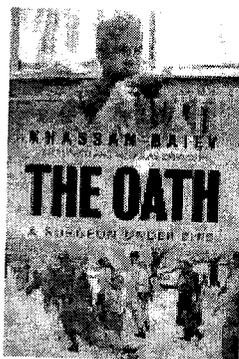
Председатель Комитета
«Гражданское содействие»,
член ПЦ «Мемориал»,
член Совета при Президенте РФ по содействию
развитию институтов гражданского общества
и правам человека

Светлана Ганнушкина

• Книжное обозрение

**Хасан Баиев. Клятва. Хирург под огнем.
Нью-Йорк, 2003**

(Khasan Baiev, with Ruth and Nicolas Daniloff. The Oath.
A Surgeon under Fire. New-York: Walker & Company, 2003)

Книга знаменитого чеченского хирурга Хасана Баиева переводится уже на седьмой язык мира; в каждой стране, на прилавках которой она появляется, она становится бестселлером. Мало, однако, надежды, что книга эта в скором времени дойдет до русского читателя.

Что же рассказывает миру хирург, название книги которого отсылает к клятве Гиппократа, а вся деятельность сводится к помощи людям, в строгом соответствии с древней врачебной заповедью?

Это книга воспоминаний, очень личных, очень эмоциональных, очень страшных. Как и все удавшиеся мемуары, это книга «о времени и о себе», причем именно о времени в первую очередь. Тон очень верно задан в первой же фразе: «Я пишу эту книгу, преследуя две цели: во-первых, чтобы мир знал, что война по-прежнему остается, во все времена и на всех широтах, чем-то чудовищным, беспощадным к невинным жертвам и что на войне не бывает победителей. Вторая цель не менее важна — чтобы мой читатель ближе познакомился с чеченским народом».

В основу книги лег дневник Баиева, который порой писался под шум разрывающихся снарядов, в подвалах, в укры-

тиях, в больнице — после многочасовых изнурительных операций. Воспоминания детства и юности, отступления, посвященные предкам, чеченским традициям и образу жизни, чередуются с яркими портретами «тех, кто украшает этот народ, и тех, кто его позорит», и фоном всему этому служит смерть, пытки, безысходный ужас войны. Книга очень яркая, живая и, несмотря на солидный объем и страшное содержание, необыкновенно захватывающая.

Хасан Баиев родился в Алхан-Кале в 1963 году. Его воспоминания о детстве и юности, учебе в Красноярском университете, сопровождавшейся профессиональными занятиями спортом, сразу создают образ человека необычного, с рано сформировавшимися жизненными принципами и редкой силой воли.

Первые же страницы, посвященные ранним воспоминаниям автора и его семейной истории, отмечены многолетней трагедией чеченского народа. Ссылка, в которой оказалось абсолютное большинство чеченцев в 1944 году и из которой семья Баиевых вернулась лишь за четыре года до его рождения, дискриминация по национальному признаку при поступлении в медицинский институт, при отборе на спортивные соревнования...

Несмотря на все это, Баиев, выбрав редкую тогда специальность пластического хирурга, добивается больших успехов и известность его растет. Но война приходит на чеченскую землю, и с трудом завоеванный профессиональный и личный мир рушится, оставляя каждого перед нелегким жизненным выбором, диктуемым войной. Бросив доходную и престижную работу в Москве, Хасан Баиев с разросшейся семьей возвращается в родную Алхан-Калу и в ежедневных изнурительных дежурствах в грозненской больнице приобретает навыки военного хирурга. После бомбардировок Грозного поток раненых растет, а запасы медикаментов и оборудования сокращаются, и даже в больнице условия работы приближаются к полевым.

Перед штурмом столицы Баиев возвращается в Алхан-Калу и открывает там свой госпиталь. Раненые из Грозного, Аргуна, Шали, Ачхой-Мартана, из Шатоя, из горной и предгорной части Чечни прибывают непрерывно. После того как соз-

данный усилиями жителей села госпиталь был разрушен снарядом, а под его развалинами остались невосполнимые запасы медицинского оборудования и материалов, Баиев начинает принимать больных и раненых у себя дома. Остающееся от операций время он посвящает разездам по стране с небольшим набором инструментов, оказывая почти круглосуточную медицинскую помощь.

Больные для Баиева не имели ни национальной, ни политической принадлежности: на одном и том же столе он оперировал русских, чеченцев, боевиков, солдат и больше всего — мирных жителей.

Особую и необычайно опасную известность принесли Хасану Баиеву две операции: он оперировал Басаева и Радуева. Верность клятве Гиппократова ежедневно подвергала его жизнь риску: боевики не могли простить ему того, что он оперировал *российских* солдат, *российские* службы — оказания врачебной помощи боевикам. Арби Бараев приговорил его к смерти, а российские власти открыто называли его врачом террористов. Не раз он оказывался в безвыходных, казалось, ситуациях, подвергался оскорблениям и побоям, ожидал неминуемой смерти.

Вторая чеченская кампания, после недолгой мирной передышки, оказалась еще беспощаднее первой. Соблазн уехать, спасая семью и маленьких детей, был велик, но и тут добровольно взятые на себя обязательства оказались сильнее. Хасан Баиев при помощи всего села опять приступает к строительству госпиталя в Алхан-Кале. Люди, прошедшие ужасы предыдущей войны, несли все, что могло способствовать скорейшему налаживанию медицинской помощи, и работали не покладая рук. После первых же крупных обстрелов большая часть врачей и медсестер покинули село. Небольшой группе оставшихся добровольцев приходилось работать и ночью, и днем.

31 января 2000 года в госпиталь привезли более 300 человек, подорвавшихся на минном поле. Все палаты в госпитале были переполнены, кровь была повсюду, крики страдания и боли не замолкали ни на минуту. Хасан Баиев оперировал сорок восемь часов, несколько раз теряя сознание от усталости

и напряжения. За эти два дня он произвел 87 ампутаций конечностей и 7 трепанаций черепа, причем из инструментов в его распоряжении были лишь обычная пила и ручная дрель.

Таких сцен немало в этой страшной книге. Но есть там и другое — благодарность тем, кто в этих страшных условиях остался человеком, не утратил порядочности и мужества, портреты мужественнейших женщин — медсестер, оставшихся с Баиевым, когда казалось уже просто бессмысленным продолжать борьбу со смертью, наступавшей со всех сторон... Есть и жесткие оценки действий тех его земляков, которые пошли по другому пути.

Обращает на себя внимание еще одна редкая особенность этой книги. Чеченские традиции, к которым автор испытывает большое уважение, не позволяют затрагивать многие личные аспекты жизни: чеченцы почти никогда не говорят на людях о женах и детях, редко разъясняют сложные нюансы семейных отношений, ритуалов. Хасан Баиев во вступительном слове приносит извинения своим соотечественникам за то, что отходит от этого обычая. Личные воспоминания, на посторонний взгляд сдержанные и скупые, позволяют ближе прикоснуться к миру чеченской культуры, очень богатой и своеобразной. Более полное понимание древних обычаев и соображений, диктующих те или иные поступки представителям этого народа, необходимо всем, кто хочет разобраться в сложнейшей драме, разыгрывающейся уже не только в Чечне, но и далеко за ее пределами.

Несмотря на все попытки просто работать и приносить пользу своим и чужим людям, дальнейшее пребывание Хасана Баиева в Чечне стало невозможным. Разыскиваемый обеими воюющими сторонами, потеряв многих близких, имущество и дом, он вынужден был уехать и попросить политического убежища в Америке.

Но в 2002 году война достала его и в далеком от Чечни Бостоне: Баиеву пришлось принимать участие в переговорах с террористами, захватившими Театральный центр на Дубровке. С просьбой об этом к нему обратился глава московской милиции генерал Владимир Пронин. «Я знал, —

пишет Баиев, — что не смогу убедить захватчиков отпустить заложников, но хотел попытаться сделать хоть что-то, чтобы избежать катастрофы». Хасан Баиев, не желая быть обвиненным позже в пособничестве террористам, сам потребовал официальной просьбы о содействии от главы милиции. Опасения оказались вполне обоснованными: несколько офицеров спецслужб призывали впоследствии расследовать связи Хасана Баиева с захватчиками «Норд-Оста».

Лишенный медицинской практики, Баиев занялся общественной деятельностью и вернулся в большой спорт. Он регулярно работает с международными общественными и межгосударственными организациями, консультируя по проблемам прав человека и ситуации с беженцами в Чечне и в Ингушетии. В 2000 году международная организация «Human Rights Watch» присвоила ему звание «Правозащитник года», а в 2001 году — «Человек года в Англии». Международный фонд помощи детям Чечни, создателем и президентом которого он является, занимается оказанием помощи детям из Чеченской республики, пострадавшим в результате военных действий.

В спорте его достижения также не из последних. Баиев — трехкратный чемпион США по самбо, двухкратный чемпион мира по самбо 2001 и 2002 года, обладатель Кубка мира по самбо, проходившего в 2001 году во Франции.

Война меж тем продолжает свою разрушительную деятельность в Чечне и выплескивается за ее пределы, а иллюзорная «нормализация», постулированная российским руководством, заметна лишь в официальных речах и докладах.

Без взаимного понимания, без желания найти решение этой проблемы мир в Чечне невозможен.

Тот факт, что обошедшая мир мудрая, страшная и добрая книга Хасана Баиева не может сегодня появиться в России, лишь подтверждает, как далеки еще мы от столь нужного нам всем мира на чеченской земле и *понимания* — во всей России.

Мина Содман

• Переписка

ФАШИЗМ И ТЕОРИЯ ДАРВИНА

Хорошо известно, что в природе существуют вороны-альбиносы, проще говоря, белые вороны. Птицы стандартного окраса ни за что не примут белую особь: при первом же появлении такой птицы в поле вороньего зрения они начнут нападать и выгонять ее из стаи. Гонят они и покалеченных или больных ворон, которые после этого обречены на гибель. Подобное поведение наблюдается также у собак, крыс и прочих зверей. Но не у всех животных так развит стадный инстинкт. Слоны, напротив, изо всех сил помогают раненому или больному собрату. Ученым даже удалось наблюдать, как стадо стояло над умершим слоном. Но это, можно сказать, исключение.

Мы же говорим о стадном инстинкте, проявления которого можно наблюдать не только у животных, но и среди людей. К таким проявлениям можно отнести издевательства над одноклассником, например, потому что он рыжий и веснушчатый. Интересно, как бы вели себя дети, если бы их привели на экскурсию в психиатрическую больницу, где все люди больны, но тем не менее не заслуживают насмешек.

Рискну отнести еще одно понятие к проявлениям стадного инстинкта у людей — это фашизм.

Обратимся к теории Дарвина. Ее можно выразить одним предложением: человек произошел от обезьяны. Но эту теорию не все считают доказанной. В самом деле, неужели в ходе эволюции мог развиваться такой интеллект, каким мы сейчас обладаем? Трудно поверить, что Эйнштейн, Ломоносов или Шекспир произошли от обезьяны.

Однако ясно, что часть нашей души все-таки создана природой. Видимо, из-за этого и берет власть инстинкт,

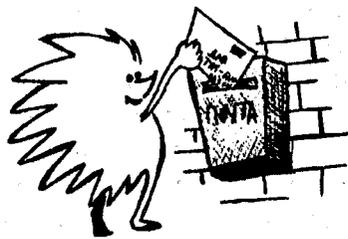
присущий воронам, крысам и собакам, – стадный инстинкт. К проявлению его среди людей я отношу фашизм.

Допустим, человек полностью произошел от обезьяны (думаю, инопланетяне специально поселили на Земле это животное, чтобы нас запутать). И еще допустим, что начала происходить обратная эволюция. А это значит, что инстинкты начали брать верх над интеллектом.

Инстинктов много. Вот смотрите, каждый человек любит красивое и вкусное. Многие подчиняются этому инстинкту и хотят, чтобы у них было много красивого и вкусного. В числе инстинктов, разумеется, присутствует и стадный. В последнее время чрезвычайно возросло число нападения скинхедов на людей «неславянской внешности». Обратная эволюция!

Но мы-то с вами если и озвереем, то не до такой же степени?

Наташа Ш.

В помещении общества «Мемориал» работает антифашистская библиотека

В фондах библиотеки хранятся книги по проблемам фашизма, нацизма, тоталитаризма, правозащитная литература. Имеется уникальная коллекция **антифашистских периодических изданий**, выходящих в России, Великобритании, Германии, Франции, Швеции, Норвегии, Дании.

Читатели могут воспользоваться **алфавитной и систематической картотекой** статей и книжных изданий по данной тематике, составленной на основе материалов Российской Национальной библиотеки и содержащей информацию по фондам **многих библиотек России**.

Библиотека открыта в понедельник и среду с 11 до 17 часов, в четверг с 14 до 20 часов. Справки по телефону 314-23-68 (добавочный 3).
Адрес: ул. Разъезжая, д. 9 (вход со двора).

Внимание! Изменился адрес нашего веб-сайта.

Все темы антифашистских публикаций вы найдете на сайте Санкт-Петербургского «Мемориала»:
www.memorial.spb.ru

Учредитель: Санкт-Петербургское общество «Мемориал»
191002, Санкт-Петербург, ул. Разъезжая, 9.

Адрес редакции: 191002, Санкт-Петербург, ул. Разъезжая, 9.
www.memorial.spb.ru

Тираж 800 экз.

Любые перепечатки приветствуются.
Просим по возможности ссылаться на источник.